

ным, мы вправе предполагать наличие каких-то признаков, по которым завоеватели отличались от побежденных, и допустить, что к последним применялись методы внеэкономического принуждения. Мы не имеем никаких данных, которые нам осветили бы эту проблему, но несомненным остается факт, что одна часть египтян по сути дела поработала другую. Если еще учесть то доподлинно известное нам обстоятельство, что на протяжении первых двух династий, время правления которых продолжалось не менее двух с лишним веков, Нижний Египет неоднократно восставал против власти правителей этих династий и что эти восстания беспощадно подавлялись, станет совершенно ясным, что население Нижнего Египта не было и не могло быть равноправным с населением Верхнего Египта. Несомненно, что в среде завоевателей наибольшими привилегиями экономическими и социальными обладали военачальники и представители семей, выдвинувшихся на передний план в процессе разложения первоначальнообщинных порядков.

Конечно, доказать это положение многими фактами мы не можем, но общий ход исторического развития указывает на то, что процесс шел именно в этом направлении, тем более что в Греции, в Лакедомоне и в Мессении наблюдается такое же приблизительно влияние: дорийцы превратили местное ахейское население в илотов, по сути дела в своих рабов. Следует подчеркнуть, что во всех рабовладельческих обществах можно различить в общем две категории рабов: во-первых, таких, которые постоянно находились под наблюдением надсмотрщиков и которые поэтому были в полном смысле слова живым орудием, ни в какой мере не заинтересованным в результате своего труда; во-вторых, такие, о которых писал римский автор Варрон в I в. до н. э. Для большой заинтересованности рабов в работе он рекомендует прибегать ко всякого рода поощрительным мерам: улучшению пищи, одежды, разрешению иметь семью и «собственный» участок земли⁶. Вполне понятно, что в результате войны и массового поражения побежденных невозможно было организовать труд рабов под наблюдением надсмотрщиков и, сверх того, еще и прокормить эту массу! Гораздо проще было их поселить на более или менее самостоятельных условиях труда, так, чтобы они могли и сами себя прокормить, и работать еще и на хозяина. Такие меры зависели исключительно от усмотрения рабовладельца (также и коллективного). Это, конечно, понимали не только во время Варрона, но и на заре возникновения рабства — более того, к методам античного рабства в то время прибегать было невозможно, да и ненужно, так как в древневосточных странах хозяйство в основном было натуральным, а не товарным. Поэтому по внешним признакам илотия нередко смешивалась с феодализмом, по сути

⁶ Varro. De re rustica, I, 27.